

Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги.

В.С. Собкин Институт социологии образования РАО, Москва, Россия

А.А. Мкртычян Институт социологии образования РАО, Москва, Россия

Поступила: 3 мая 2013 / Принята к публикации: 16 мая 2013

The role of sociocultural factors of developing attitudes toward extremism in school students of the cities of Moscow (Russia) and Riga (Latvia).

V.S. Sobkin Institute of Sociology of Education, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

A.A. Mkrtychyan Institute of Sociology of Education, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Received: May 3, 2013 / Accepted for publication: May 16, 2013

В настоящей статье освещаются результаты кросскультурного исследования, направленного на выявление особенностей отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги. Наравне с этим анализируются и различные аспекты социальной активности подростков: их отношение к законодательным санкциям против экстремистских действий, склонность к выражению различных способов политического протеста, а также выявляются наиболее предпочитаемые школьниками формы выражения собственной политической позиции. Отдельное внимание уделяется роли социокультурных факторов, определяющих специфику отношения подростков к экстремизму. В частности, речь идет о таких факторах, как характер микросоциального окружения школьника, степень его социальной дистанции от экстремистских организаций, принадлежность к национальному большинству или меньшинству и т.д. Освещается взаимосвязь между принятием подростками экстремистского поведения и их склонностью к агрессии в различных социальных ситуациях, в частности, в ситуации буллинга.

Помимо результатов социологического исследования, приводятся результаты факторного анализа, проведенного с целью выявления сводного комплекса характеристик, определяющих не только отношение подростка к экстремизму, но и его позицию в отношении насилия и агрессивного поведения как способов решения собственных конфликтов. На основании выделенных факторов приводятся усредненные профили подростков Москвы и Риги, причисляющих себя к экстремистским организациям. В качестве основных выводов, представленных в статье, можно коротко выделить ряд моментов. В целом среди школьников доминирует негативное отношение к проявлениям экстремизма. Оно выражается в их личностном неприятии. Микросоциальное окружение подростка влияет на оценку различного рода экстремистских проявлений. Исследование выявило существенные различия в отношении к экстремизму, зависящие от принадлежности к национальному меньшинству или титульной нации. Результаты факторного анализа показали, что само отношение к экстремизму в подростковой среде – это сложное многофакторное явление, включающее в себя различные модальности оценок и форм поведения.

Ключевые слова: экстремизм; агрессия; легитимизация агрессии, подростковый возраст, буллинг, политический протест, национальное большинство/меньшинство.

The present article reports the results of cross-cultural research on the role of sociocultural factors that develop attitudes toward extremism in school students of Moscow, Russia, and Riga, Latvia. Equally, it analyzes various aspects of social activity of adolescents: their attitude to legislative sanctions against extremist activities, a tendency to express various ways of political protest, etc. Special attention is paid to the role of social and cultural factors that determine the specific features of adolescents' attitude to extremism. We consider such factors as the degree of social distance from extremist organizations or membership of a national majority or minority, etc. The article reports on the relationship between adoption of extremist behaviour and attitudes of aggressive behaviour in various social situations, and in the situation of bullying in particular. In addition, the article presents the results of factor analysis to identify a set of features that determine not only those ones related to extremism, but also the position of the teenagers in the propensity for violence and aggressive behaviour as a way to solve their own conflicts. Also, based on the selected factors, the averaged profiles of teenagers in Moscow (Russia) and Riga (Latvia), who claimed their own relationship with extremist organizations, are shown. The main conclusions of the article can be briefly presented in the following points. In general, negative attitude towards extremism dominates in schoolchildren. It is expressed in personal non-acceptance of extremism. Social environment of teenager affects assessment of various kinds of extremist manifestations. The study revealed significant differences in attitudes toward extremism, depending on the membership of a national minority or titular nation.

Keywords: extremism aggression, legitimisation of aggression, adolescence, bullying, political protest, national majority/minority.

Сегодня наблюдается рост популярности экстремистских взглядов в самых разнообразных сферах подростковой субкультуры. Это обусловлено многими факторами. Среди основных можно отметить: фактиче-

ское отсутствие социальных программ поддержки и занятости молодежи, усиливающееся расслоение общества, культурная маргинализация; активность националистически ориентированных организаций, трансляция экстремист-

ских образцов поведения в СМИ. Важную роль играют и социально-психологические факторы: ценностно-нормативная неопределенность и, в тоже время, политический максимализм, которые в сочетании с процессами групповой

идентификации, создают почву для формирования экстремистских настроений среди молодежи (Собкин, 1997; Чупров, Зубков, 2009).

Отношение к экстремизму среди подростков представляет особый интерес. Данный возраст – это один из наиболее значимых периодов для становления личности, формирования ее ценностных ориентаций, морально-нравственных принципов и освоения различных форм социального поведения (Блонский, 1964; Божович, 1968; Выготский, 1929). Одной из важных особенностей подросткового возраста, наряду с нигилизмом и максимализмом, является стремление к независимости. В силу этого, различные протестные формы поведения воспринимаются как особые способы проявления взрослости. Вместе с тем, желание выразить протест способно оказать влияние на принятие девиантных форм поведения, трансформируя само отношение подростка к насилию (Собкин, 2003).

Отношение подростков к экстремизму может быть рассмотрено в разных контекстах.

Во-первых, отношение к экстремизму предполагает определенную степень информированности об экстремистских организациях, включая и возможный личный опыт взаимодействия с их членами. Поэтому, в качестве одного из важных аспектов исследования отношения школьников к экстремизму следует выделить распространенность в микросоциуме подростка контактов с людьми, придерживающимися экстремистской идеологии.

Во-вторых, отношение школьников к экстремизму может проявляться на разных уровнях легитимизации насилия: на уровне личностного принятия или непринятия, на уровне допустимости социальной нормы, на уровне оценок существующей государственной политики в отношении экстремистских организаций. В связи с этим заметим, что оценка школьниками санкций в отношении экстремизма – это своеобразный индикатор отношения подростков и молодежи к проблеме легитимизации насилия в целом.

На основании изложенных выше общих представлений, нами была разработана программа социологического исследования, которая учитывает ана-

лиз влияния следующих факторов: микросоциального окружения, возрастных и социально-стратификационных характеристик; принадлежности к национальному большинству или меньшинству. Последний аспект представляет

Одной из важных особенностей подросткового возраста, наряду с нигилизмом и максимализмом, является стремление к независимости. В силу этого, различные протестные формы поведения воспринимаются как особые способы проявления взрослости. Вместе с тем, желание выразить протест способно оказать влияние на принятие девиантных форм поведения, трансформируя само отношение подростка к насилию

особый интерес, поскольку экстремистские проявления часто основаны на межнациональных отношениях. В связи с этим, программой исследования было предусмотрено проведение специального кросскультурного опроса учащихся Москвы и Риги. При этом учащихся русскоязычных школ в Риге можно рассматривать как особую подвыборку представителей национального меньшинства, что представляет особый интерес при сравнении их с учащимися латышских общеобразовательных школ и московскими школьниками.

Исследование было проведено в 2010 году Институтом социологии образования РАО совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием. С помощью специально разработанной нами анкеты было опрошено 993 учащихся 9-х и 11-х классов московских общеобразовательных школ, 964 русско-

язычных учащихся 9-х и 12-х классов школ в Риге (в статье эта выборка будет обозначена как «русские») и 975 учащихся 9-х и 12-х классов общеобразовательных латышских школ (в статье эта выборка будет обозначена как «латыши»).

Проявление экстремизма в микросоциальном окружении подростка

Очевидно, что личный опыт общения или прямого членства в экстремистских организациях во многом определяет специфику отношения к экстремизму. Исходя из этого, респондентам предлагался вопрос: «Знакомы ли Вы с экстремистскими молодежными организациями?». Предложенные варианты ответов позволяют выявить как непосредственное членство, так и распространенность контактов с людьми, придерживающимися экстремистской идеологии. Распределение вариантов ответов на этот вопрос приведено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, большинство подростков отмечает, что они «не знакомы» лично с экстремистскими организациями. Причем, доля подобных ответов московских подростков существенно

Владимир Самуилович Собкин – доктор психологических наук, профессор, директор Института социологии образования Российской академии образования
E-mail: sobkin@mail.ru

Арег Артавазович Мкртычян – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института социологии образования Российской академии образования
E-mail: areg1279@gmail.com

ниже, нежели рижских. Косвенно это может служить показателем активности самих экстремистских организаций на территории России.

там задавался вопрос, моделирующий ситуацию «школьной травли» (буллинг): «Представьте, что в Вашем классе учится человек, который подвергает-

ских организаций влияет не только на принятие идеологии, но и на формирование поведенческих образов.

	Москва	Рига	p =
да, знаком, я сам состою в такой организации	2,7%	3,1%	-
да, мои близкие друзья состоят в таких организациях	4,0%	2,5%	-
да, у меня есть знакомые, состоящие в таких организациях	17,7%	7,0%	.0001
да, я знаю об их существовании, но лично не сталкивался	24,3%	17,0%	.04
нет, я не знаком с такими организациями	51,2%	70,4%	.0001

Таблица 1. Распределение ответов подростков Москвы и Риги относительно их знакомства с экстремистскими молодежными организациями (%)

В рамках нашего анализа особый интерес представляет сопоставление ответов латышских и русских школьников, проживающих в Риге. Среди русских респондентов доля отметивших свою непосредственную включенность в деятельность экстремистских организаций оказывается заметно выше, чем среди латышей (соответственно: 4,2% и 2,1%, $p = .01$). Можно предположить, что более высокая доля участия русских подростков в деятельности экстремистских организаций связана с их особой позицией в Риге, где они представляют национальное меньшинство.

ся насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников. Какой будет Ваша реакция?».

Как показали результаты исследования, позиция агрессора («булли») более приемлема для тех респондентов, кто отметил свое непосредственное членство в экстремистских организациях. Именно респонденты данной группы чаще указывали, что в качестве наиболее приемлемой для себя реакции по отношению к жертве буллинга, будет выбрано «издевательство». Эту позицию выбрали 18,2% из тех респондентов в Риге, кто считает себя членом экстремистских

Отношение подростков к экстремистским действиям

Здесь можно выделить два аспекта. С одной стороны – это оценка допустимости различных санкций в отношении экстремизма со стороны властей. С другой – личностный аспект, который предполагает соотнесение экстремистских действий с собственной ценностно-нормативной системой. В связи с этим в ходе опроса школьникам задавался вопрос: «Оправдываете ли Вы экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка?».

Школьники и в Москве, и в Риге в целом склонны негативно оценивать любые действия экстремистского характера, аргументируя ответы тем, что подобное поведение противоречит их личным принципам. На общественные нормы («нет, так как это нарушение законов общества») учащиеся ссылаются значительно реже.

На отношение к экстремистским действиям влияет характер микросоциального окружения подростка. Наглядной иллюстрацией подобного влияния являются результаты, полученные при сравнении ответов школьников, которые указали на свое непосредственное членство в экстремистской организации и тех, кто отметил, что «не знаком с экстремистскими организациями» (см. рис. 1).

Как видно из рисунка 1, наиболее популярным ответом среди тех московских и рижских респондентов, кто отметил свое непосредственное членство в экстремистской организации, является оправдательный вариант проявления экстремистских действий. В то же время, свое негативное отношение к экстремистским действиям, как на уровне фиксации нарушения общепринятых норм, так и на уровне личного неприятия, наиболее часто демонстрируют школьники незнакомые с экстремистскими организациями.

Отношение подростков к санкциям относительно проявлений экстремизма

Характерным индикатором отношения к экстремизму является мнение о

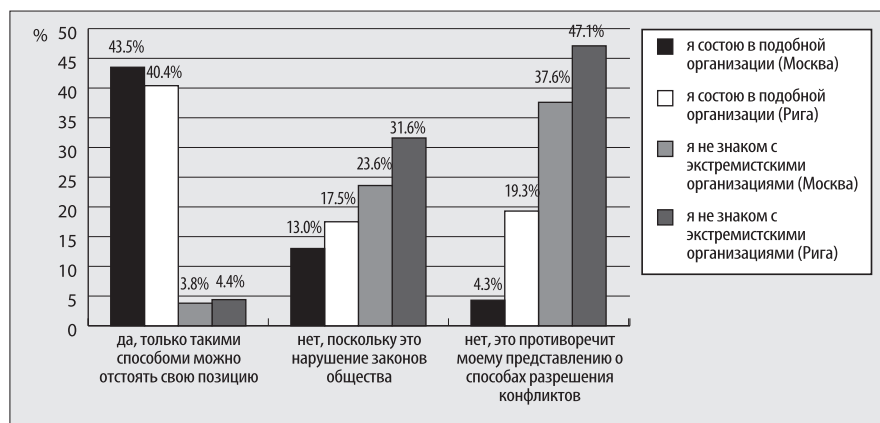

Рисунок 1. Влияние фактора микросоциального окружения на отношение к экстремизму среди подростков Москвы и Риги (%)

Членство в экстремистских организациях и склонность к коллективному насилию

Включенность в деятельность экстремистских организаций отражается и на поведенческом уровне. В частности, она влияет на характер поведения в ситуации коллективного школьного насилия. Так, в ходе анкетирования, респондент-

организаций. Соответственно, среди московских школьников, этот показатель – 16,7%. Для сравнения, среди подростков Риги и Москвы, ответивших, что они не знакомы с экстремистскими организациями, аналогичный вариант ответа выбрали лишь 1,5% и 2,3%, соответственно. Таким образом, личная включенность подростка в деятельность экстремист-

необходимости применения санкций против экстремизма. Оно основано на оценке легитимности экстремистских действий в соответствии с принятыми законами и общественными нормами. Обратимся к мнениям подростков относительно того, какие именно действия, с их точки зрения, должны преследоваться по закону.

Как видно из рисунка 2, около трети московских и рижских респондентов (29,8% и 32,1%, соответственно) считают, что по закону следует преследовать сами насильственные действия против определенной идеологии, расы и религии. Немного меньше число тех, кто отмечает, что наказанию подлежат и прямые призывы к насильственным действиям (27,4% в Москве и 29,6% в Риге). В то же время, следует отметить заметные различия в ответах москвичей и рижан. Так, москвичи значительно реже рижских школьников выбирают вариант ответа: «по закону должны преследоваться оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти» (соответственно – 15,9% и 21,8%, $p = .02$). Если среди опрошенных москвичей 14,9 % считают, что ни одно из перечисленных действий не должно преследоваться по закону, то среди рижан таких всего 3,0%, ($p = .0004$). Таким образом, москвичи оказываются более лояльными к проявлениям вербальной агрессии и экстремистским действиям.

Существенные различия в распределении ответов по данному вопросу были выявлены при сравнительном анализе ответов русских школьников, проживающих в Риге, и латышей (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, русские школьники в Риге занимают более радикальную позицию относительно необходимости законодательного преследования действий экстремистского толка.

В целом большинство школьников демонстрируют негативное отношение к экстремистским действиям, оценивая их как противозаконные и наказуемые. Такие факторы, как характер микросоциального окружения и статус национальности (отнесенность к национальному меньшинству/большинству), во многом определяют характер отношения подростка к экстремизму. Более де-

тальный анализ показывает, что ответы национального меньшинства (русских) носят амбивалентный характер: они

Выражение политического протеста

Выбор тех или иных форм выражения политического протеста представ-

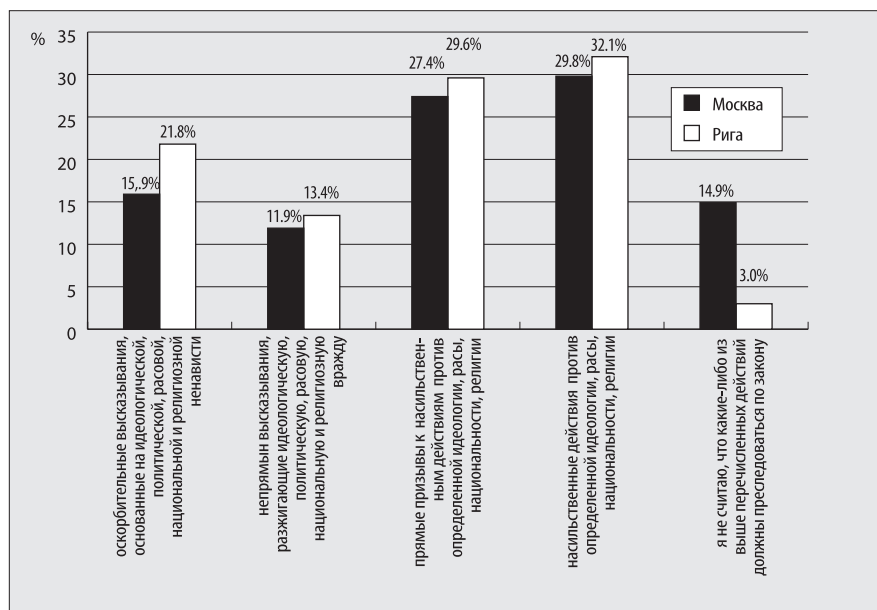

Рисунок 2. Мнение школьников Москвы и Риги относительно тех действий, которые необходимо преследовать по закону (%)

	русские	латыши	p =
оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти	49,8%	46,5%	.05
непрямые высказывания, разжигающие идеологическую, политическую, расовую, национальную и религиозную вражду	36,6%	22,6%	.0006
прямые призывы к насильственным действиям против определенной идеологии, расы, национальности, религии	69,5%	61,1%	.001
я не считаю, что какие-либо из выше перечисленных действий должны преследоваться по закону	8,1%	5,3%	.0005
нет, я не знаком с такими организациями	51,2%	70,4%	.0001

Таблица 2. Мнение русских и латышских подростков Риги относительно тех действий, которые должны преследоваться по закону (%)

Выбор тех или иных форм выражения политического протеста представляет собой индикатор как уровня развития самого общества, так и степени сформированности гражданской позиции его членов. Можно не принимать экстремизм как форму политической активности, но использовать активные способы выражения своих взглядов в определенных социально-экономических и политических ситуациях

требуют законодательного преследования, когда экстремистские действия проявляются в отношении к собственной группе и, в то же время, экстремистские действия легитимизируются, когда выступают средством самозащиты (Ениколопов, Мкртычян, 2008).

ляет собой индикатор как уровня развития самого общества, так и степени сформированности гражданской позиции его членов. Можно не принимать экстремизм как форму политической активности, но использовать активные способы выражения своих взглядов

в определенных социально-экономических и политических ситуациях (Собкин, 1997). В связи с этим, в ходе опроса респондентам задавался вопрос относительно наиболее приемлемой для них формы выражения политического протеста. Распределение ответов приведено на рисунке 3.

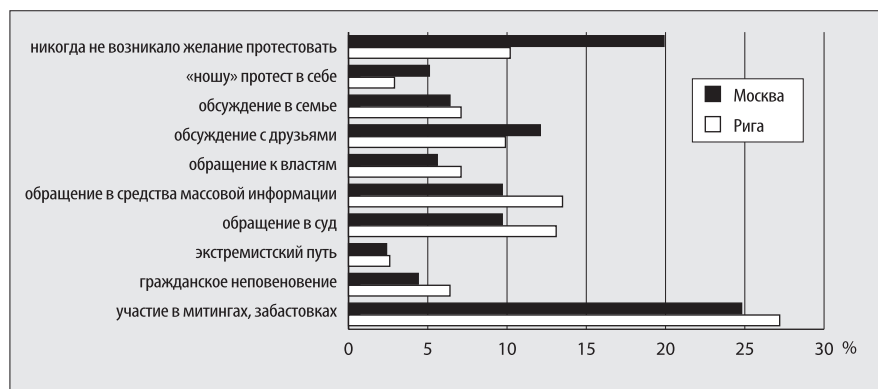

Рисунок 3. Предпочтение школьниками Москвы и Риги различных форм выражения политического протеста (%)

Большинство: 24,8% – среди москвичей и 27,2% – у рижан считает наиболее приемлемой формой выражения политического протеста участие в митингах и забастовках. Показательными являются различия, связанные с доверием старшеклассников к социальным институтам. Так, на «обращение в суд» указывают 9,7% в Москве и 13,1% в Риге; «обращение к властям» отмечают 5,6% в Москве и 7,1% в Риге; «обращение в СМИ» – 9,7% в Москве и 13,5% в Риге (все различия между москвичами и рижанами статистически значимы, $p \leq .05$).

По мнению ряда авторов, само наличие протестных настроений и опыт их выражения в виде различных нелегитимных массовых акций (митинги, шествия, забастовки), которые формально отличаются от экстремистского поведения, представляют собой основу для дальнейшего проявления откровенно экстремистских форм разрешения конфликта

Участие в митингах не следует отождествлять с собственно экстремистскими способами выражения политического протеста, но, тем не менее, подобные формы поведения достаточно часто объединяет именно отсутствие легитимности. Исходя из этого, можно предположить, что участие в митингах – это, в определенной степени, проявление установок к принятию более радикальных форм социальной активности, в том числе, и экстремистских действий. Как отмечают зарубежные иссле-

дователи экстремизма и терроризма (в частности, McCormick G.H.), подобные трансформации весьма вероятны. По мнению ряда авторов, само наличие протестных настроений и опыт их выражения в виде различных нелегитимных массовых акций (митинги, шествия, забастовки), которые формально отли-

чаются от экстремистского поведения, представляют собой основу для дальнейшего проявления откровенно экстремистских форм разрешения конфликта (McCormick, 2003).

Опыт структурного анализа отношения подростка к экстремизму

Рассмотренные выше данные показывают, что на отношение подростков к экстремизму существенное влияние оказывают параметры, характеризующие особенности их социокультурной

ситуации развития. Среди них, в первую очередь, выделяются два: своеобразие микросоциального окружения (включенность и дистанцированность от экстремистских организаций) и отношение себя к национальному большинству/меньшинству. Влияние этих двух параметров проявилось и в отношении подростков к коллективному насилию, и в их оценке допустимости экстремистских действий как способов разрешения конфликтов, и во взглядах на применение санкций против различных видов

агрессивного поведения и, наконец, в различных установках на выражение политического протеста. Мы рассматривали их влияние независимо друг от друга. Вместе с тем, можно предположить, что имеет место своеобразный комплекс параметров, характеризующий склонность к принятию или, напротив, отвержению открытых форм агрессии, в зависимости от своеобразия социокультурной ситуации развития подростка.

Для проверки этого предположения был проведен факторный анализ полученных данных. С этой целью была сформирована матрица данных, где столбцы определяли подвыборки респондентов в соответствии со степенью их включенности в экстремистские организации в трех опрашиваемых группах: москвичи, русские подростки в Риге и латыши. Строки же матрицы характеризуют варианты ответов на вопросы, выявляющие особенности отношения к экстремизму. Сформированная матрица данных (средние проценты выборов различных вариантов ответов для разных подвыборок) была подвергнута процедуре факторного анализа («метод главных компонент» с последующим вращением «Varimax» Кайзера).

В результате факторного анализа было выделено шесть факторов, описывающих 96,9% общей суммарной дисперсии.

Положительный полюс фактора F1 (34,6%) объединил в себе следующие утверждения:

- «Я считаю, что по закону должны преследоваться насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности, религии» (0,96);
- «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, потому что сочувствую жертвам подобной агрессии» (0,95);
- «Я считаю, что по закону должны преследоваться прямые призывы к насильственным действиям против определенной идеологии, расы, национальности, религии» (0,87);
- «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного

- порядка, потому что это противоречит моему представлению о способах разрешения конфликтов» (0,88);
- «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обращение в СМИ» (0,82);
 - «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку отношу себя к тем, в отношении которых предпринимаются экстремистские действия» (0,81);
 - «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обращение в суд» (0,68);
 - «Я не оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку это нарушение законов общества» (0,57).
 - В свою очередь, отрицательный полюс фактора объединил в себе следующие утверждения:
 - «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду издеваться над ним» (-0,91);
 - «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку только такими способами сегодня можно отстоять свою позицию» (-0,83);
 - «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку именно такими способами можно указать остальным их место» (-0,82);
 - «Я не считаю, что насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности, религии должны преследоваться по закону» (-0,81).

Первый выделенный фактор, являясь биполярным, определяет противопоставление отрицательных и положительных установок по отношению к проявлению открытой агрессии. Положительный полюс фактора (F1+) содержит варианты ответов, фиксирующие неприятие респондентами агрессии

как способа разрешения конфликтов. При этом негативное отношение к открытому насилию в данном случае, имеет несколько оснований. Так, можно от-

Установка на блокировку открытого проявления агрессии связана с личностным неприятием насилия со стороны респондентов, она также основывается и на процессах идентификации себя с жертвой подобных действий. Другим основанием негативного отношения к экстремистским действиям является их несоответствие общественным нормам, их нелегитимный характер

метить, что установка на блокировку открытого проявления агрессии связана с личностным неприятием насилия со стороны респондентов, она также основывается и на процессах идентификации себя с жертвой подобных действий. Другим основанием негативного отношения к экстремистским действиям является их несоответствие общественным нормам, их нелегитимный характер. Таким образом, негативное отношение к экстремистским действиям формируется исходя из двух векторов оценивания. С одной стороны – это вектор личностного неприятия, с другой – оценка подобного поведения относительно его легитимности.

Отрицательный полюс первого фактора (F1-) характеризует установку на проявление открытой агрессии. Здесь также можно выделить ряд оснований положительного отношения к экстремистским действиям. Прежде всего, это оценка агрессивного поведения с позиции соответствия моральным нормам самого респондента. Другим основанием является оценка подобного поведения с точки зрения его необходимости. В данном контексте школьниками оценивается инструментальный, прагматичный компонент агрессивного поведения. В основе подобной оценки лежит уже не только личностное принятие насилия, но и своеобразная защитная реакция. Указанные выше основания демонстрируют собой процесс легитимизации насилия, обоснованный его необходимостью как эффективного способа защиты. Подобный механизм легитимизации описывается специалистами, в частности А. Бандурой, как «утилитарный» (Bandura, 1999).

Первый выделенный фактор характеризует собой позицию школьников относительно экстремизма, соотносимую как с их личными принципами, так и с

общественными нормами. Его можно обозначить через оппозицию: «непринятие – принятие экстремистских проявлений».

Второй биполярный фактор F2 (14,4%) объединил на положительном полюсе следующие утверждения:

- «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе» (0,93);
- «Я оправдываю экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка, поскольку такая форма поведения вызывает одобрение в кругу моих друзей» (0,82).

Данный полюс определяют утверждения, которые оправдывают экстремистские действия. Причем, в основе одного из них лежит мотивация, связанная с наделением негативными атрибутами потенциального объекта агрессии. Другое утверждение мотивирует проявления экстремизма одобрением ближайшего социального окружения. По сути дела, мы сталкиваемся здесь с проявлением «диффузии ответственности» и с проявлением конформистских установок по отношению к нормам группового поведения.

Отрицательный полюс данного фактора (F2-) представлен лишь одним утверждением: «У меня никогда не возникало желания протестовать» (-0,85).

Поскольку это утверждение связано с вопросом о возможности проявления политического протеста, то данную позицию можно охарактеризовать как проявление пассивности по отношению к политической жизни (политическая «аномия»).

Данный фактор можно обозначить через оппозицию: «оправдание насилия – политическая «аномия».

Третий биполярный фактор F3 (12,7%) определяют ответы на один и тот же вопрос, касающийся позиции респондента относительно буллинга. Положительный полюс F3+ характеризуется утверждением: «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду сочувствовать, но ничего не сделаю для его поддержки» (0,75).

Отрицательный же полюс фактора определяет утверждение: «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я буду высмеивать его вместе с другими» (-0,93).

Этот фактор можно задать через оппозицию: «пассивное сочувствие жертве – активное участие в буллинге». Оба полюса фактора F3 характеризуют собой особенности позиции школьника в актах групповой агрессии. При этом положительный полюс фактора (F3+), несмотря на выражение «сочувствия» к жертве, характеризует пассивное принятие групповой агрессии: «...но ничего не сделаю для его поддержки». Согласно А. Бассу, подобный тип поведения можно отнести к форме пассивной не прямой агрессии (Бэрон, Ричардсон, 2001). Отрицательный же полюс (F3-) фиксирует кардинально противоположенную позицию респондента в процессе буллинга, готовность к активному участию в открытых формах коллективной агрессии: «...буду высмеивать его вместе с другими».

Следующий биполярный фактор F4 (12,6%) характеризует социальную чувствительность к вербальным формам агрессии. Его положительный полюс (F4+) определяет утверждение: «Я считаю, что по закону должны преследоваться оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти» (0,98).

Отрицательный же полюс (F4-) характеризуют следующие утверждения:

– «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я не буду обращать на это внимание» (-0,75);

– «Мне безразличны какие-либо экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, вандализм и нарушение общественного порядка» (-0,66).

В обобщенной форме его можно определить через оппозицию: «недопустимость вербальной агрессии – безразличие».

Пятый биполярный фактор F5 (11,9%) задается оппозицией: «открытое коллективное выражение политического протеста – конспиративность политического протеста».

Положительный полюс данного фактора определяет высказывание: «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является участие в митингах, забастовках» (0,90).

А отрицательный полюс фактора объединил в себе утверждения:

– «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны одноклассников, то я буду стараться избегать общения с ним» (-0,82);

– «Я предпочитаю не выражать собственный политический протест, «ношу» протест в себе» (-0,75);

– «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является экстремистский путь» (-0,58).

Для интерпретации отрицательного полюса фактора обратимся к концепции, в который рассматриваются различные стадии процесса принятия решения о террористическом поведении (McCormick, 2003). Так, выделенная там подготовительная, латентная стадия содержит в себе два основных этапа: а) конспиративный поиск единомышленников; б) поиск способов выражения своей позиции. В этом отношении утверждения «...я буду избегать общения» и «...ношу протест в себе» можно рассматривать как относящиеся к подготовительному этапу (этап «а»). Утверждения же, касающиеся приемлемости выражения политического протеста экстремистским путем можно отнести к этапу поиска способов выражения своей позиции (этап «б»). Таким образом, отрицательный полюс фактора F5- можно рассматривать как фиксацию процесса принятия решения о реализации экстремистского поведения. В этом контексте,

положительный полюс фактора можно рассматривать как следующий этап развития экстремистского поведения, выражающийся в открытом столкновении с властными структурами.

Последний шестой фактор F6 (10,8%), характеризуется следующими утверждениями:

– «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является обсуждение с друзьями» (0,81);

– «Если в моем классе будет учиться человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников, то я постараюсь убедить одноклассников не унижать его» (0,79);

– «Наиболее приемлемой для меня формой выражения политического протеста является гражданское неповиновение» (0,63);

– «Я считаю, что по закону должны преследоваться не прямые высказывания, разжигающие идеологическую, расовую, национальную и религиозную вражду» (0,56).

Данный фактор характеризует своеобразный поведенческий комплекс. С одной стороны, здесь выражена тенденция к защитной реакции на проявление агрессии и повышенная чувствительность к косвенным формам агрессии. Оба эти момента дают возможность предположить, что в их основе лежит обостренное чувство риска стать возможной жертвой агрессии. С другой стороны, высказывания, связанные с выбором таких форм проявления протеста, как «обсуждение с друзьями» и «гражданское неповиновение», можно расценивать как общую тенденцию к социальной интеграции. В целом же, объединение в одном факторе виктимности и установок на социальную интеграцию позволяет обозначить содержание фактора F6 следующим образом: «виктимность, защитная реакция на внешнюю социальную угрозу».

Характеристики членов экстремистских групп: влияние социокультурного аспекта

Обобщая результаты проведенного факторного анализа, отметим, что он позволил выделить шесть факторов, определяющих особенности отноше-

ния подростков к разнообразным формам проявления насилия (экстремистские действия, буллинг, протестное поведение). Результаты факторного анализа позволяют выявить особенности отношения к насилию посредством рассмотрения специфики распределения значений для выделенных нами подвыборок одновременно по всем шести факторам. Особый интерес представляет сравнение профилей оценок по шести факторам среди тех старшеклассников Москвы и Риги, которые причисляют себя к членам экстремистских организаций (см. рис. 4)

Как видно из рисунка 4, проявились и общие тенденции и заметные различия между подвыборками. Так, распределение значений по фактору F1 отчетливо иллюстрирует принятие экстремистских действий подростками, которые относят себя к экстремистским организациям, как в Москве, так и в Риге. В то же время, проявились явные различия между учащимися Москвы и Риги по двум факторам: F2 и F4. Исходя из содержания фактора F2, можно сделать вывод о том, что, если для москвичей, придерживающихся экстремистской идеологии, характерной чертой является политическая «аномия» (низкие значения по полюсу F2-), то для рижан важным аспектом являются дополнительные мотивировки, оправдывающие насилие (высокие значения по полюсу F2+). Кроме того, поскольку среди рижан выражены высокие значения по фактору F4+, можно сделать вывод о том, что они более чувствительны к вербальным формам агрессии и склонны следовать существующим нормам их табуирования.

Особый интерес представляет фактор F3, фиксирующий противопоставление позиции москвичей и латышей и русских подростков, проживающих в Риге. Как мы видим, москвичи и латыши ориентированы на активное участие в буллинге (F3-). Русские же, проживающие в Риге, ориентированы на проявление сочувствия жертве (F3+). В этом, на наш взгляд, проявляется их особая позиция как представителей национального меньшинства.

Если фактор F3 фиксирует сходство между москвичами и латышами, то фактор F5, напротив, фиксирует явное различие их установок относительно

протестного поведения. Так, москвичи находятся на стадии открытого проявления протеста, в то время как латышские старшеклассники находятся в латентной фазе и «носят протест в себе».

Во-первых, как среди московских, так и рижских школьников явно доминирует негативное отношение к проявлениям экстремизма. Прежде всего, оно выражается в личностном непринятии

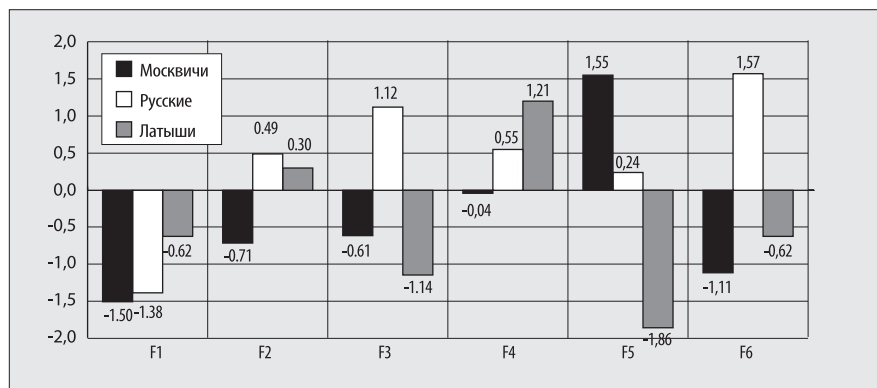

Рисунок 4. Средние профили значений по шести выделенным факторам среди тех подростков Москвы и Риги, которые причисляют себя к членам экстремистских организаций

Как московских, так и рижских школьников явно доминирует негативное отношение к проявлениям экстремизма. Прежде всего, оно выражается в личностном непринятии любых действий экстремистского характера

И, наконец, обращает на себя внимание своеобразие позиции русских учащихся в Риге. Частично мы ее уже отметили, фиксируя высокие положительные значения по фактору F3+ («сочувствие

любых действий экстремистского характера.

Во-вторых, микросоциальное окружение подростка и, тем более, его самоидентификация как члена экстре-

Выявлены существенные различия в отношении к экстремизму в зависимости от принадлежности к национальному меньшинству или титульной нации

жертве»). Помимо этого, следует добавить и явно выраженную акцентуацию по фактору F6+ («виктимность, реакция на внешнюю социальную угрозу»). Учет этих двух моментов позволяет сделать вывод о том, что весьма характерной тенденцией для русских подростков в Риге (как представителей национального меньшинства) является повышенная чувствительность к возможности стать жертвой насилия.

мистских организаций, существенно влияют на оценку и различного рода экстремистских проявлений, и возможных санкций со стороны властных структур.

В-третьих, выявлены существенные различия в отношении к экстремизму в зависимости от принадлежности к национальному меньшинству или титульной нации. Особенно отчетливо это проявилось при сопоставлении ответов

Так, «трансформация» национального статуса (русские в Риге как меньшинство) позволила выявить характерный феномен, когда экстремизм начинает восприниматься представителями меньшинства в качестве эффективного способа защиты собственной национальной идентичности

Подводя итоги проведенного исследования, следует выделить ряд важных моментов, отражающих специфику отношения подростков к экстремизму.

москвичей с ответами учащихся латышских и русскоязычных школ Риги. Так, «трансформация» национального статуса (русские в Риге как меньшинство) позволила выявить характерный фено-

мен, когда экстремизм начинает восприниматься представителями меньшинства в качестве эффективного способа защиты собственной национальной идентичности.

И, наконец, завершая статью, мы хотели бы обратить особое внимание на необходимость проведения кросскультурных исследований при изучении проблематики экстремизма в подростковой

и молодежной субкультуре. Кросскультурные сопоставления не просто фиксируют сходства и различия, но, что самое главное, позволяют лучше понять свою собственную культурную ситуацию.

Литература:

- Блонский П.П. Избранные произведения / П.П. Блонский. – Москва : Наука, 1964. – 548 с.
- Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте: психологическое исследование / Л.И. Божович. – Москва, 1968. – 464 с.
- Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 352 с.
- Выготский Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский. – Москва : Изд-во БЗО при педфаке 2 МГУ, 1929.
- Ениколопов С.Н. Психологические последствия терроризма / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Вопросы психологии. – 2008. – №3 – С. 71-80.
- Проблемы толерантности в подростковой субкультуре : монография / З.Б. Абросимова, Д.В. Адамчук, Е.В. Баранова и др ; под ред. В.С. Собкина. – Москва : Центр социологии образования РАО, 2003. – 390 с. : ил., табл.
- Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики : эмпирическое исследование. – Москва : Центр социологии образования РАО, 1997. – 318 с.
- Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – Москва : Академия, 2009. – 320 с.
- Bandura A. Moral Disengagement in perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. – 1999. – № 3. – P. 193–210.
- McCormick G.H. Terrorist Decision Making // Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School. – California, Monterey, 2003. – P. 473– 507.

References:

- Bandura, A. (1999) Moral Disengagement in perpetration of inhumanities. Personality and Social Psychology Review, 3. p. 193–210.
- Baron, R. (2001) Agressija [Human aggression]. Baron, R., Richardson, D. Sankt-Peterburg, Piter, 352 p.
- Blonskiy, P.P. (1964) Izbrannye proizvedeniya [Selected papers]. Moscow, Nauka, 548 p.
- Bozhovich, L.I. (1968) Lichnost' i ee formirovaniye v detskom vozraste: psihologicheskoye issledovaniye [Personality and its formation in childhood: a psychological study] Moscow, 464 p.
- Chuprov, V.I. (2009) Molodezhnyy ekstremizm: sushhnost', formy proyavleniya, tendencii [Youth extremism: nature, manifestations and trends]. Chuprov, V.I., & Zubok, Ju.A. Moscow, Akademiya, 320 p.
- Enikolopov, S.N. (2008) Psihologicheskie posledstviya terrorizma [Psychological consequences of terrorism]. Enikolopov, S.N., & Mkrtychyan, A.A. Voprosy psihologii [Issues of Psychology]. 3, 71-80 p.
- McCormick, G.H. (2003) Terrorist Decision Making Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School. California, Monterrey, p. 473– 507.
- (2003) Problemy tolerantnosti v podrostkovoј subkul'ture: monografija [Tolerance problems in adolescent subculture, monograph]. Abrosimova, Z.B., Adamchuk, D.V., Baranova, E.V. et al., ed. Sobkin, V.S. Moscow, Centr sotsiologii obrazovaniya RAO, 390 p.
- Sobkin, V.S. (1997) Starsheklassnik v mire politiki: empiricheskoye issledovaniye [A high school student in the world of politics: an empirical study]. Moscow, Centr sotsiologii obrazovaniya RAO, 318 p.
- Vygotskiy, L.S. (1929) Pedologiya podrostka [Pedology of adolescents]. Moscow, Izdatelstvo BZO Pedagogicheskij Fakul'tet 2 MGU.